
Северный лес
скрывает следы двоих.
Но выпустит только
одного.
НАСЛЕДНИЦА
ШРАМОВ
КРИСТАЛ ЗЕЙТЦ

Махаон. Темное фэнтези

Кристал Зейтц

Наследница шрамов

«Азбука»
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Зейтц К.

Наследница шрамов / К. Зейтц — «Азбука», 2024 — (Махаон. Темное фэнтези)

ISBN 978-5-389-35564-4

Когда бесследно исчезает ее бабушка, Астрид возвращается в родную деревню и в поисках ответов переступает запретную границу леса. Ее единственным проводником становится Сорен – тысячелетний вампир, долгие годы заключенный в темнице. Девушка понимает, что доверилась опасному хищнику, который веками копил ярость и хранит слишком много зловещих тайн, но он единственный, кто знает дорогу сквозь мрачный лес. С каждым шагом путь становится все опаснее, а чувства между смертной девушкой и бессмертным чудовищем – сильнее. Но за древние клятвы всегда приходится платить. И чтобы узнать правду о судьбе бабушки, Астрид придется решить, кому довериться – монстрам из старых легенд или тому, кто ждал ее долгие века.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-35564-4

© Зейтц К., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

От автора 8
Пролог 9
Часть первая 12
Глава первая 13
Глава вторая 20
Глава третья 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Кристал Зейтц
Наследница шрамов

Посвящается бабушке, за ее чудесные сказки,

И отцу, Питеру Зейтцу,
посоветовавшему мне писать свои.

С любовью

Серия «Махаон. Темное фэнтези»

Text © 2024 by Crystal Seitz
Jacket illustration © 2024 by Marcela Bolivar
Back cover photo © naumoid/iStock
Jacket design by Greg otadavk

All rights reserved, including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC.

Перевод с английского *Веры Соломахиной*
Дизайн обложки, титула и форзаца Владимира Безкровного
Внутренние иллюстрации Марии Поздняковой

© В. Соломахина, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
«Махаон»®

От автора

Опыт Астрид в том, что касается болезни Крона[1], хоть и отличается от моего, но во многом на него опирается. Конечно, у каждого свои обстоятельства – даже если заболевание одно и то же, ваш опыт или опыт ваших знакомых может быть другим. Но я надеюсь, что вы посочувствуете Астрид, как и я.

На эту историю меня вдохновили скандинавские мифы и фольклор, но я постаралась толковать их по-своему. Я люблю их разнообразие, то, как они меняются, развиваются и по-разному звучат в устах разных рассказчиков. Перед вами моя версия.

Религия в книге вымышленная и не связана с современными верованиями. Также я не претендую на историческую точность. Хотя исландские магические знаки[2] вошли в обиход относительно недавно, в книге они намного древнее и, следовательно, носят древнескандинавские названия. Я благодарна Джексону Крофорду за помощь с древнескандинавским языком. Если вы встретите ошибки, в ответе за них я, и только я.

Обратите внимание, что книга затрагивает трудные темы, такие как смерть, гибель животных (диких), горе.

Справочник по произношению доступен на сайте: crystalseitz.com/inheritance

[1] Болезнь Кро́на – аутоиммунное воспалительное заболевание кишечника. *(Здесь и далее примечания редактора.)*

[2] Исландские магические знаки (рунические ставы, гальдрставы) – комбинация двух и более рунических символов; тип магических знаков, бытовавших в Исландии в период раннего и позднего Средневековья.

Пролог

Десять лет назад

– Марш в кровать, пока я не усыпила тебя сонным шипом[3].

Амма всегда так грозится. Однако магические знаки бабушка пускает в ход только для того, чтобы не протекли ее бочки или чтобы поймать меня, когда я втихаря лакомлюсь свежесбитым маслом.

Я скрещиваю руки на груди.

– Я уже совсем взрослая и не хочу ложиться рано.

Мне исполнилось восемь. Моего лучшего друга Йохана не заставляют спать, а я чем хуже?

Амма строго смотрит на меня, как это частенько бывает:

– Астрид, я не шучу.

Я надуваю губы.

– А мама Йохана разрешает ему не спать сколько он захочет.

Амма хватает меня в охапку.

– Но ты, к сожалению, живешь со мной. – Она укладывает меня в постель и укутывает мягким вязаным одеялом, защищая от зимнего холода. – Это значит, что ты ляжешь спать, когда скажу я.

Я шумно вздыхаю:

– Но я не хочу спать.

– А ты закрой глазки и сразу захочешь.

Вот и все.

– А как же папа? Он не поцелует меня, не пожелает спокойной ночи?

Лицо Аммы сминается, словно бумага.

– Его сейчас нет.

– Нет?

Чего это я удивляюсь? Его никогда нет. Папа будто родом из скрытого народа, о котором рассказывает Амма.

– Что ж, – говорит Амма, наклоняясь ко мне, – давай-ка я сама тебя поцелую.

---

[3] Сонный шип, шип сна (*др. – сканд.* Svefnþorn) – магический символ в скандинавской и исландской традиции, способный погрузить человека в глубокий, почти летаргический сон.

Влажными губами она целует меня в лоб. От нее пахнет чаем из сосновых иголок. А от папы – бензином, потому что он весь день работает с машинами. Амма говорит, что машины он любит больше, чем людей, потому что их можно починить.

Амма направляется к двери мимо Горного короля, притаившегося в углу комнаты. Он огромный, гораздо выше людей. Он прячет лицо в тени – видны лишь блестящие голубые глаза – и всегда за мной следит. Похоже, Амма собирается оставить меня с ним наедине.

– Погоди! – кричу я. – А как же сказка? Ты забыла?

Амма останавливается.

– Что бы ты хотела услышать? Может, о том, как Фрейя[4] обернулась соколом и перехитрила скрытый народ?

Я закатываю глаза.

– Только не про богиню.

Амма мешкает в дверном проеме и хмурится.

– О-о, значит ты уже слишком взрослая, чтобы слушать рассказы про богиню и рано ложиться спать? Так, что ли? – Она качает головой. – Ну хорошо, Аста. Раз уж ты такая большая девочка, почему бы тебе не послушать страшную историю?

Я сглатываю, тянусь к мягкой игрушке, мишке Бьорну, и украдкой бросаю взгляд на Горного короля. Страшные истории мне не нужны – от них потом снятся кошмары. Но Амма уже достает с полки мою самую нелюбимую книжку с картинками. «Скрытый народ». Она садится ко мне на кровать, и матрац проваливается, притягивая нас ближе друг к другу. На каждой странице книги – иллюстрации, одна ужаснее другой.

– Как насчет хульдры[5], а? – спрашивает Амма, дойдя до картинки с красивой женщиной в лесу. – «Однажды в лесах Тиведена заблудился человек. Он так долго скитался, что оголодал, и его желудок зарычал, как страшные чудовища, обитавшие в Тиведене. И вдруг он увидел еще одного человека – женщину, прекраснее которой не встречал. Она обещала помочь ему вернуться домой, только если он на ней женится. Он охотно согласился». – На следующей странице на спине женщины открывается дыра, как огромная венерина мухоловка. – «Но когда они отправились в путь, он заметил у нее хвост. Хульдра поняла, что больше нет смысла притворяться человеком, и решила его съесть…»

– Наверное, лучше все-таки послушать про Фрейю.

– Нет-нет, богиня тебе уже надоела.

Амма листает книгу, со страниц которой выпрыгивают чудовища.

– Какую же историю тебе рассказать? Может, послушаешь про Горного короля, – говорит она, понижая голос. – «Его корона из витых корней возвещает всем, что он правитель Тиведена. Солдат в его войске столько же, сколько деревьев в лесу. На поясе у него висит рог, вырезанный из кости, и все, кто слышит его громовой призыв, пробуждаются – даже мертвые. Горный король такой огромный, что троном ему служит гора. Восседая на ней высоко-высоко, он видит все, что есть на земле». – Амма наклоняется и щелкает меня по носу. – Даже тебя, маленькая Аста.

Я сглатываю. Амма ошибается. Горный король не сидит на троне.

Он здесь.

Амма проходит мимо него и выключает свет.

– Дни становятся короче, а сила Горного короля только растет, – говорит она, и ее лицо словно парит во тьме. – Могущественнее всего он в день зимнего солнцестояния, когда мы

---

[4] Фрейя (*др. – скан*д. Freyja – госпожа) – скандинавская богиня из рода ванов, связанная с любовью, плодородием, войной и магией сейдр.

[5] Хульдра – лесное сверхъестественное существо в скандинавском фольклоре: спереди – прекрасная девушка с коровьим хвостом, сзади – полая, как дупло дерева.

мечтаем о том, как солнечные лучи согреют кожу, а Фрейя, Светлая Госпожа, как никогда слаба.

Несмотря на холод, я вдруг потею. Именно в это время года Горный король посещает меня чаще всего.

– А день зимнего солнцестояния завтра?

– Правильно, – говорит Амма. – Поэтому будь паинькой и спи, не то он придет за тобой.

Глядя в блестящие в темноте глаза, я тихо спрашиваю:

– Что, если он уже здесь?

Амма включает ночник, и Горный король исчезает.

– Ох, Аста. – Она берет меня за руку. Ее мягкая знакомая ладонь успокаивает, как и мое одеяло. – Тебе нечего бояться. Пока ты со мной, тебя никто не тронет. Обещаю.

– А тебя?

Амма вздыхает:

– Вот поэтому я тебе и не рассказываю эти…

– Я не боюсь, – настаиваю я.

– Ой ли? – Амма хитро улыбается. – Тогда давай погасим ночник.

Я притягиваю Бьорна ближе.

– Нет.

Амма качает головой.

– Завтра расскажу тебе славную историю о том, как Фрейя наконец нашла потерянного мужа, – говорит она перед тем, как уйти. – Спокойной ночи. Я тебя люблю.

Я смотрю в пустой угол спальни. Может, Горный король и ушел, но я все еще чувствую на себе его взгляд.

– Прощай, – отвечаю я Амме. То ли оговорившись, то ли на случай, если тоже исчезну.

– Ох, Аста, мы ведь это обсуждали, – грустно улыбается Амма. – Прощания нам не нужны.

Часть первая
Svefnþorn
Сонный шип

Глава первая

Люди не исчезают просто так. Такого больше не случается.

Но именно поэтому мы впервые за девять лет возвращаемся домой. Папа ведет машину по извилистой дороге, и каждый раз, когда я наклоняюсь к окну, ремень безопасности сдавливает мне горло. Нас окружает лес Тиведена: ободранные сосны тянутся к машине словно тысячи рук.

Я смотрю на заснеженные деревья, пытаясь тайком увидеть существ, о которых предупреждала бабушка. Как только в Ундене случалось что-то плохое, Амма винила в этом скрытый народ. Быстро испортились продукты, покрывшись мухами. Отключилось электричество, и мы остались в холодной темноте. Птицы камнем упали с неба.

Я заболела.

Сколько бы ни всматривалась в окно, чудовищ не видела. Про скрытый народ Амма, как обычно, сказала бы: «Если ты их не видишь, это не значит, что их нет».

Только вот теперь здесь нет и ее.

Месяц назад, когда мы с папой ходили на прием к очередному врачу, раздался звонок, которого врагу не пожелаешь. Папа, конечно, предпочитает стационарный телефон. Вернувшись, мы обнаружили мигающий красный свет и голосовое сообщение: «Говорит офицер полиции Линд из Ундена. Вот уже несколько дней никто не видел Ингрид. Проверили дом, но ее там не оказалось. Подумал, что она могла уехать к вам в Стокгольм. Свяжитесь с нами…»

– Скоро будем на месте, – сообщает отец, возвращая меня в настоящее.

– Долго же ехали, – бормочу я, переключая радиоканалы.

Папа не обращает внимания на мою колкость и выключает радио, погружая нас в неожиданную тишину. Теперь наш саундтрек – колючий декабрьский ветер, бьющий в машину, да скрип шин по гравию. Все это болью отдается в животе. Или то, что я наконец возвращаюсь домой.

В Унден.

Может быть, это очередной момент между «до» и «после», просто я еще об этом не знаю.

В том голосовом сообщении я услышала имя Аммы впервые с тех пор, как мы переехали. И меня охватил страх, словно окатило ледяной водой. Папа потер губы, как делает всегда, когда не знает, что сказать, а это бывает довольно часто. Но ему не нужно было ничего объяснять. Я и так все поняла. С Аммой мы не виделись девять лет. Она сильно постарела, но ужасно упрямилась и уезжать из Ундена не хотела. Так что, если она пропала, это означает только одно.

С ней что-то случилось.

– Думаю, она в конце концов объявится, – наконец предположил папа.

Она не объявилась, и поэтому мы оказались здесь.

Я вздыхаю и, достав из кармана мобильник, нахожу сообщения, просматриваю самые свежие от Зури:

«нууууу когда будем есть мистера Торта??»

«Астриддд с каких это пор ты не хочешь булочек с корицей лол ааа? Все хорошо? послушай девочка ты меня пугаешь все ли в порядке?? очередной приступ, а?»

Я нажимаю большим пальцем на строку ответа, но не знаю, что сказать. И связь не работает. Красота.

Остальные сообщения – от людей, которым я никогда не отвечаю.

«Привет, как поживаешь? хочешь чего-нибудь? давай погуляем?»

Может, я просто отталкиваю Зури, как и других. По крайней мере, можно написать, что связи нет, и этим оправдаться.

Но тогда и будет не на что переключиться. Поездка в Унден тянется бесконечно, как те несколько часов, когда я ждала новостей от офицера полиции Линда. Я просто торчала у телефона, потому что в противном случае пришлось бы тупо пялиться на домашнее задание или смотреть «Нетфликс». При каждом звонке я вскакивала, но звонили либо с папиной работы, либо от моего гастроэнтеролога.

Прошли дни. Недели. Наконец Линд позвонил.

Если раньше он говорил: «Мы будем ее искать», то теперь я услышала: «Мне очень жаль».

Я прижимаюсь лбом к холодному оконному стеклу, надеясь успокоиться, но после того звонка у меня стал болеть живот. Как бы не очередной приступ. Не так давно я едва могла сползти с кровати и дойти до туалета, не то что путешествовать за сотни километров. Папа не хотел, чтобы я ехала.

– Ты никогда не даешь мне даже попрощаться, – напомнила я ему.

Папа вздохнул.

– Ладно, Астрид. Дам тебе такую возможность, но потом надо будет жить дальше.

С тех пор он со мной почти не разговаривал.

Мы едем уже несколько часов, и в машине от отца никуда не деться. Я не могу уйти к себе в спальню или захлопнуть дверь у него перед носом. За окном проплывают неясные очертания деревьев, и вдруг я вижу, как между ними что-то мелькает. Нет, не что-то. Кто-то. В лесной чаще возникло бледное морщинистое лицо. С плеча, словно веревка, свисает светлая коса. Если бы я моргнула, то ничего бы не заметила. Не заметила бы ее. У меня перехватывает дыхание. Амма здесь.

– Стой! – кричу я.

Папа жмет на тормоза, и шины протестующе визжат. Нас по инерции швыряет вперед. Машину несет с обледенелой дороги на дерево, но в последний момент папа резко сворачивает в сторону. По боку машины, как гвоздями по классной доске, скребет ветка. Автомобиль с визгом останавливается, и у меня бешено колотится сердце.

Папа сжимает руль побелевшими от напряжения пальцами. Тяжело дыша, он поворачивается ко мне:

– Черт, Астрид. Ты цела? В чем дело?

– Амма, – выдыхаю я. – Я только что видела в лесу Амму.

Я прочесываю глазами лес. Высокие деревья со сломанными ветками, торчащими, словно ребра. Хвоя, дрожащая от легкого ветерка. Меня охватывает страх, по коже бегут мурашки. Амма была здесь. А сейчас никого нет.

Я смотрю в пустоту между деревьями, пытаясь разобраться. Тычу в холодное стекло.

– Она была вон там!

Папа трет губы, проводит своей большой ладонью по подбородку. Он даже не глядит туда, куда я указываю пальцем, а выруливает на шоссе. Я смотрю в боковое зеркало, пока деревья не тают вдали.

– Знаешь, – немного поколебавшись, произносит папа, – когда я потерял твою мать, она мне чудилась повсюду.

Я хлопаю глазами. О маме мы не говорим. Никогда.

Хотя я ее совсем не знала, мне ее не хватало всю жизнь. Мама умерла почти сразу после моего рождения. Послеродовой сепсис. Хотя папа ни разу не обмолвился об этом ни словом, я знаю, что в ее смерти он винит меня, а не идиотский иммунитет. Я живое напоминание об его утрате. Поэтому он всегда сердится. И спорим мы поэтому. Ему хочется обо всем забыть, а мне – все о ней узнать. Если бы не Амма, я бы не знала, что мама любила круглый год печь семла, сладкие булочки с миндальной массой и взбитыми сливками, напевая при этом мелодии группы «АББА» и немного фальшивя.

Но потом шок проходит, и его слова оглушают меня.

– Почему ты ведешь себя так, будто Амма умерла? – строго выговариваю я. Его челюсть напрягается, но он не отвечает. – Пока тело не найдено, мы ничего не знаем. – Я поворачиваюсь к нему, меня удерживает только ремень безопасности. – Если бы ты не тянул целый месяц, мы бы, может, ее нашли.

Может, я бы заметила то, что другие пропустили. И нашла бы.

Может, еще успею.

– Мы здесь не для того, чтобы ее искать. – Папа смотрит то на меня, то на дорогу, его плечи напряжены. – Мы едем, чтобы ее похоронить и оценить дом. Завершить дела. А когда покончим с этим, уберемся отсюда к черту и никогда не вернемся. Мы ведь договорились, Астрид.

– Похоронить? – У меня вырывается удивленный смешок, а рука тянется к волосам, заплетенным в косу. – Как это? Ведь ее не нашли.

Папа отрывает глаза от дороги и укоризненно смотрит на меня.

– Унден устраивает по ней поминальную службу. – Он морщит лоб, и складки становятся глубже. – Поэтому я и взял тебя с собой. На этот раз ты можешь попрощаться, как хотела.

Я отвожу взгляд. Смотрю в окно.

– Не нужно было уезжать. Жили бы здесь и ухаживали за ней. И ничего бы не случилось.

– Я увез тебя для твоей же пользы, – сурово ответил он.

Смаргиваю слезы.

– Чушь.

– Перестань меня обвинять. – Папа шлепает по рулю ладонью. – И себя тоже. Хочешь снова заболеть?

Он говорит на полном серьезе. Словно я и правда не могу справиться со стрессом из-за болезни. Если бы он прослушал то голосовое сообщение без меня, то вряд ли рассказал бы мне о нем. И исчезновение Аммы стало бы еще одной запретной темой для разговоров. Во мне кипят смешанные чувства, угрожая выплеснуться наружу.

– Папа, я ее люблю. – От этих слов саднит горло. – Разве это плохо? Я хочу знать, что с ней произошло. Я не могу просто забыть и жить дальше, как ты.

Между нами растет стена молчания.

– Ей было много лет, – наконец отвечает отец. – Временами она была не в себе. Она пошла в лес и заблудилась. Такое случается чаще, чем ты думаешь.

Я прячу руки в карманы пальто.

– Амма не старая…

– Старая, – резко возражает он. – Ты была слишком мала, чтобы это понять. Ты не знаешь ее, как я.

Во внутреннем кармане пальто я нащупываю листок бумаги. Последнее письмо, которое получила от Аммы. Все эти годы мы переписывались, но папа ничего не подозревает, и я не хочу об этом упоминать. Когда мы уехали, он запретил мне с ней общаться. Если бы он узнал, то пришел бы в ярость и запер меня дома.

– И кто в этом виноват? – спрашиваю я.

Даже вопрос оставляет горечь во рту.

Папа тяжело вздыхает.

– Я не хочу об этом говорить, Астрид.

Я сжимаю левую руку в кулак, впиваясь ногтями в линию посреди ладони. Вот так всегда. Каждый чертов раз. Мне душно в машине. И так же душно от отца. Открываю окно потоку холодного воздуха, и часть меня желает, чтобы лучше пропал он.

Не-ет.

Нет. Одна мысль об этом – словно удар под дых. Без отца я своей жизни не представляю. Папа – моя единственная опора. Это он водит меня к врачу на консультацию и колоноскопию, он навещает меня в больнице, следит, чтобы я вовремя принимала лекарства. Скучаю по нему я чаще, чем на него обижаюсь. Я смотрю в окно, хотя синего дорожного знака с надписью «Добро пожаловать в Унден» точно не увижу. Ундена нет ни на одной карте. Амма говорила, что найти его можно, только если знаешь, куда смотреть. Наша далекая деревня затерялась во времени. Унден похож на медленно исчезающую, пересыхающую речку. Сюда никто не приезжает. И никто его не покидает до самой смерти. Кроме нас с отцом.

Пока мы едем по единственной дороге, ведущей в Унден, деревня кажется и знакомой, и чужой. За машиной по улице мчатся дети, и я с трудом сдерживаю улыбку. В их возрасте и я так бегала с друзьями, смеясь и крича, в те времена я легко вписывалась в компанию. Тогда я еще не сильно злилась, не сильно болела и не сильно переживала.

Старые домишки выделяются на фоне снега красными пятнами. Здесь нет разноцветного разнообразия стокгольмских пастелей. Все дома покрашены фалунской красной[6]. Вместо нагромождения высоток на просторной территории свободно раскинулась деревня, а вдали на фоне мрачного серого неба темнеет многоярусная крыша деревянного хофа[7].

Мы проезжаем столб, похожий на фонарный, но вместо лампы на его вершине висит огромный череп животного. Его пустые глазницы провожают нас, пока мы едем мимо дома Старого Ульфа.

По коже бегут мурашки.

В Стокгольме, конечно, такого не увидишь.

Столб для проклятия врагов. Или соседей, как в случае с Ульфом. Старик знаменит на всю округу злобным характером. Когда я была маленькой, все называли его Старым Ульфом и шептались, что ему больше двух сотен лет. К моему изумлению, он все еще здесь, а вот Аммы нет.

Впереди группа людей с помощью веревок устанавливает большую деревянную конструкцию. Защитную руну. Такие рунические изваяния ставят по всей деревне в преддверии зим-

---

[6] Фалу́нская красная (*швед.* Falu rödfärg) – традиционная шведская красящая эмульсия темно-красного цвета.

[7] Хоф (*др. – скан∂.* hof) – в скандинавском язычестве деревянное здание, сакральное сооружение, которое в эпоху викингов и вплоть до принятия христианства (около VIII–XI веков) использовалось для проведения важнейших религиозных праздников и коллективных жертвоприношений.

него солнцестояния, которое наступит двадцать первого декабря. Через восемь дней их подожгут, чтобы уберечь деревню от Горного короля, пока богиня Фрейя слаба. Ночью двадцать первого декабря Амма обычно меня покидала. Как праматерь Ундена она возглавляла общину и отвечала за общегородской праздник. Я этот ритуал никогда не видела. Папа не разрешал. Мы сидели дома. Мне оставалось лишь наблюдать из окна, как остальные собирались на улицах и поджигали рунические изваяния.

В толпе я замечаю длинную седую косу, и сердце екает. Когда вижу лицо, понимаю, что ошиблась. Суровые черты принадлежат Хельге, деревенской целительнице и лучшей подруге Аммы. Конечно, это не бабушка. Я не могу скрыть разочарования. Я не прочь остаться здесь до дня солнцестояния, но папа ясно дал понять, что к тому времени мы должны вернуться в Стокгольм. Это всего лишь короткая поездка на выходные, и я больше не могу пропускать занятия.

Проезжаем еще несколько домов. Из окна за нами наблюдает Эбба Карлссон, типичная любопытная соседка среднего возраста, которой нужно знать все, что происходит. Какое-то мгновение мы смотрим друг другу в глаза. Потом она исчезает, только колышутся кружевные занавески.

Шины хрустят по снегу как по стеклу. Мы останавливаемся, но не перед нашим домом, а перед полицейским участком. Не знаю, можно ли так назвать перестроенный покосившийся набок амбар, который в любой момент рухнет.

– Зачем нам сюда?

– Я же говорил. Завершаем дела. – Папа потирает лоб. – Нужно подписать кое-какие бумаги, и я хочу покончить с этим как можно скорее. Я быстро. – Он хлопает дверцей, словно ставит точку в разговоре.

Я вылезаю из машины вслед за ним.

– Какие бумаги?

Папа, не оглядываясь, идет в полицейский участок.

– Официальное объявление о смерти моей матери.

О смерти.

Это слово, жестокое и неожиданное, врезается в мои мысли. Когда говорят о пропаже без вести, то по крайней мере остается хоть какой-то шанс. Глаза наполняются слезами, словно там запруда, которую вот-вот прорвет. У нас даже тела нет, не то что ответов.

Я догоняю отца внутри участка.

– Не надо.

Над головой мигают и гудят лампы. Краска на обшитых досками стенах шелушится, как струпья.

За деревянным письменным столом сидит офицер полиции Линд и разговаривает по телефону. Позади него на стене висят фотографии последних праматерей Ундена. Тех, кто застал при жизни фотоаппараты. Шесть разных рамок, но снимки пугающе похожи. Перед деревянным хофом стоит улыбающаяся женщина с короной из заплетенных в косу волос.

Я дохожу до последней фотографии, и живот делает кульбит. Амма. Раньше я верила, что когда-нибудь рядом с ее портретом будет висеть мой. Я с детства мечтала возглавить Унден, как и обещала Амма. В старших классах я выбрала курс предпринимательства. И до сих пор мечтала об этом титуле, но не теперь.

Не хочу верить, что Амма умерла.

Папа громко кашляет.

– Извини, Ульф, они уже приехали. – Линд явно рад нас видеть. Наверное, Старый Ульф опять жалуется. – Поговорим позже. – Он бросает трубку и встает из-за стола, протягивая отцу руку. – Рик, рад наконец тебя видеть. И тебя, Астрид. Вы придете завтра на службу?

Папа стоит неподвижно, словно статуя.

– Я приехал, чтобы подписать документы, Адриан. Любезности прибереги для других.

Я смотрю на них, неловко переминаясь с ноги на ногу. Напряжение ощущается даже физически. И я как раз между ними. Амма однажды обмолвилась, что раньше они были закадычными друзьями, но оба влюбились в мою маму. После ее смерти часто сидели вместе в баре, а сейчас явно друг друга не выносят.

Линд убирает протянутую руку. Улыбка на его лице гаснет.

– Ладно, Рик. Делай как знаешь. – Последние следы вежливости исчезают, когда он перебирает на столе кучу бумаг. – Подпиши вот это.

Что там между ними происходит, меня не интересует. Важно найти Амму.

– А что, вы закончили поиски? – спрашиваю я.

Линд не поднимает головы.

– Мы долго искали. Помогали все, но в Ундене следов не обнаружили.

– Люди здесь не исчезают, – говорю я, вспоминая мелькнувшую Амму в лесу.

– Подозреваю, что она ушла в лес, – говорит он, словно читая отчет. Голос ровный. Излагающий факты. – Такова традиция. Когда силы истощались, старики ради общего блага приносили себя в жертву. Я тут поспрашивал… оказывается, Ингрид болела. Хельга сказала, что в любом случае жить ей оставалось недолго.

Мне словно влепили пощечину, едва не сбив с ног.

– Что?

Не сразу понимаю, что он говорит.

То, о чем умолчал отец.

– Вы считаете, что она ушла… умирать?

Эти слова даются мне с трудом.

В ответ лишь молчание.

Амма не упоминала, что больна. Я так сильно мотаю головой, что коса раскачивается. Они ошибаются. Амма… не бросила бы меня. Доказательство тому – письмо в кармане. Я прикусываю щеку.

– Тогда почему вы ее не нашли?

– Потому что она этого не хотела. – Губы полицейского кривятся. – Она пошла за хоф. Я не могу рисковать людьми, только и всего. В Тиведене очень опасно.

– Очень опасно? А как же Амма?

Погодите. О чем это он? Не о густых чащах или коварной местности, даже не о морозах, да? Он говорит о дурацком поверье, что нельзя ходить за хоф. Если пойдешь, тебя сожрут. Выпьют всю кровь. Переломают кости, словно ветки.

В детстве я боялась этих суеверий.

– Скрытого народа не существует, – говорю я.

Я ищу поддержки у папы. Он ненавидел материнские сказки, называя их чепухой, а если был не в настроении, то бросал: «чушь собачья».

А сейчас молчит.

Ему, наверное, все равно, раз он спешит скорее покончить с этим, как говорится, умыть руки. Дело закрыто. Пора двигаться дальше.

– А если есть доказательство, что она жива? – не подумав, спрашиваю я.

Линд подается вперед, и под ним скрипит стул.

– Ты что-нибудь знаешь?

Я колеблюсь, перебирая пальцами письмо Аммы. Почта из Ундена идет целую вечность, поэтому получила я его только неделю назад. Бумага помялась – столько раз я его перечитала, почти выучив наизусть:

«Наступил твой день рождения, и я не могу не вспомнить тот день, когда ты родилась. Ты была само совершенство: волосы светлые, как манная каша, глаза цвета лесных орехов, смех, как чириканье птички. Не помню, чтобы я любила что-нибудь сильнее. Я так долго просила Фрейю дать мне дочь. Наконец она благословила меня тобой. А теперь тебе самой исполнилось восемнадцать. Как летит время! Ты должна вернуться в Унден до дня зимнего солнцестояния, чтобы мы вместе отпраздновали твой день рождения. Я приготовила для тебя особенный подарок, который можно отдать только лично. В этом году у нас есть что праздновать! Ты стала взрослой, и нас не разлучит даже твой отец.

Прощания нам не нужны.

Амма».

Я сжимаю письмо, Линд выжидающе смотрит.

Взгляд отца такой пристальный, что я чувствую себя как на раскаленных углях. Это письмо доказывает, что оба ошибаются. Она писала его в здравом уме. Она не просто ушла и бросила меня. Она ждала, что я приеду. Но это еще и сокрушительное доказательство того, что я тайно с ней общалась, прямо у папы под носом. Годы переписки разоблачат за секунду. Насколько я знаю отца, этого письма будет достаточно, чтобы развернуться и уехать в Стокгольм, позабыв о службе.

– Нет. – Вздохнув, я вынимаю руку из кармана. – Пока нет.

Линд неуверенно смотрит на нас.

– Что ж, тогда вот. – Он передвигает бумаги по столу, словно выносит смертный приговор. – Это документы. Подпиши здесь, Рик.

Как только папа подпишет, Амму никто больше не будет искать.

Я хватаю отца за руку:

– Не нужно, папа. Не делай этого.

Папа подписывается полным именем, Эрик Скарсгард.

– Готово.

Смотрю на темные несмываемые чернила, и у меня болят глаза.

Хочется орать на отца, умолять сделать хоть что-нибудь, но я так плотно стискиваю зубы, что они вот-вот раскрошатся. Его не переубедить. Если он что-то решит, то никогда не отступит. Как и я.

Я выбегаю из участка.

Раз никто не хочет искать Амму, придется это сделать мне.

На улице, с плаката, приклеенного к телеграфному столбу, на меня смотрит Амма. Доброе лицо покрыто морщинками, она улыбается, длинная седая коса лежит на плече, словно веревка. Именно это лицо я увидела в лесу, но фотография потускнела, как и память.

Крупными заглавными буквами написано: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ». Я с трудом сглатываю комок в горле и читаю дальше: «Ингрид Скарсгард. Возраст: 68. Рост: 165 см. Вес: 58 кг. В последний раз видели 11 ноября у нее дома».

Я не знаю, во что Амма была одета, когда исчезла, и кто видел ее последним. Может, она умирала, а мне это даже в голову не приходило. Жаль, что я так мало знаю. Только то, что рассказал папа.

Снимаю с телеграфного столба плакат – он рвется посредине – и сквозь слезы смотрю на порванное улыбающееся лицо Аммы.

Что бы ни сказал папа, я не сдамся.

Глава вторая

Вот дом, в котором я родилась. Дом, где умерла мама.

Сейчас не видно ни дымка из трубы, ни света в окнах.

Дом ждет нас, черный, будто пятно на снегу. Высокая, крутая крыша и прогнившие стены намного старше, чем мне казалось в детстве. Старше многих построек в Ундене. Наш дом почти такой же древний, как хоф. В отличие от других строений, окрашенных в темно-красный цвет, его деревянные доски голые, открытые всем стихиям. Так решила Амма. По ее словам, так более естественно: дом как деревья в Тиведене. В гармонии с природой. Он стоит на самом краю Ундена, неподалеку от леса, от которого нас отделяет несколько шагов и хоф.

Я выхожу из машины. В морозном декабрьском воздухе дыхание превращается в пар.

– Не забудь лекарство, – предупреждает папа, захлопывая дверцу.

– Помню, помню.

Я закидываю рюкзак на плечо и достаю из багажника сумку-холодильник. Внутри лед, а вместе с ним лекарство для еженедельных уколов. Благодаря сильнодействующему биопрепарату у меня улучшение. Пока. Но в любой момент я могу подхватить опасную заразу. Препарат подавляет болезнь Крона, не дает организму атаковать самого себя, но затрудняет борьбу с инфекциями. Стоит мне заболеть, лекарства придется отменить, пока не поправлюсь.

Тут я вспоминаю маму. Если… поправлюсь.

– Тебе помочь? – спрашивает папа, перекидывая через плечо спортивную сумку.

Я качаю головой и несу сумку-холодильник в дом.

– Я сама.

Папа придерживает для меня дверь.

Войдя в дом, я сталкиваюсь с пустотой. Пустой диван. Здесь мы сидели, когда Амма расчесывала мне волосы, сравнивая их с солнечным светом, мягким и прекрасным. Раньше в доме пахло сосной и грибом чагой, Амма кипятила воду для перерыва на кофе – фика[8]. Теперь меня встречает только запах пыли. Кресло, где она сидела, качая меня на ноге и напевая «Рида ранка», пустое.

Меня накрывает воспоминаниями.

В гостиной с потолка, словно протянутые руки, свисают пучки сухих трав. Прелый аромат окутывает, перенося в детство. Амма считала себя провидицей. Она рисовала магические руны на подошвах моих кроссовок, чтобы я не потерялась. Мы рвали ярко-красные мухоморы и

[8] Фи́ка (*швед.* fika) – шведская традиция делать перерыв, чтобы выпить кофе с чем-нибудь вкусным.

сеяли в саду семена белены. Я долгое время считала ее колдуньей, теперь понимаю, что она собирала лечебные травы.

На кухне пахнет гнилью. Я вдруг представляю, как Амма лежит, распростертая, на полу по другую сторону стола, и помочь ей некому. Дом обыскивали – успокаиваю я себя. Это мне рассказал папа. Потом замечаю на столе почерневшее яблоко, пушистое от плесени.

Скрипят половицы, в кухню заходит папа.

– Сейчас этим займусь.

– Спасибо.

Открываю холодильник, вижу молоко и яйца, банки с брусничным джемом и черничным вареньем. Каждое лето мы с Аммой вместе собирали ягоды. Рвали так много, что руки пачкались соком. Я, хохоча, показывала ладони. Смотри, кровь! И каждый раз Амма качала головой и смеялась.

Быстро выгружаю лекарство в холодильник и захлопываю дверцу. Бабушкино отсутствие чувствуется везде. Оно пропитывает каждый сантиметр дома. Ее последнее письмо, все эти продукты, яблоко, лежащее на столе… Линд ошибается. Даже если Амма ушла, она собиралась вернуться.

Так почему же не вернулась?

– Я придумаю что-нибудь на ужин. – Папа бросает гнилое яблоко в мусорное ведро. – Служба состоится завтра днем. Постарайся отдохнуть.

Стоп… служба. Вот возможность поговорить с Линдом наедине. Весь Унден придет выразить соболезнования, поэтому у папы не возникнет подозрений, если мы перекинемся парой слов. Если он вообще заметит.

– Ладно, – отвечаю я прежде, чем удалиться в мою прежнюю спальню.

Дверь скрипит, но комната все такая же, какой я ее оставила. Те же зеленые стены, которые в моем воображении были Тиведеном. На кровати то же связанное Аммой шерстяное одеяло.

Не хватает лишь плюшевого мишки Бьорна. Он со мной всю жизнь, во всех передрягах с тех самых пор, когда папа подарил его мне на третий день рождения. Бьорн был среди немногих вещей, которые я взяла с собой в Стокгольм, куда мы поспешно уехали.

Почему поспешно – я не знаю до сих пор.

Оглядывая старую спальню, я сжимаю лямки рюкзака. Он, кажется, потяжелел и давит на плечи. Каждую ночь в Стокгольме мне ужасно хотелось вернуться сюда. И вот я здесь.

Но нет Аммы.

Рюкзак падает на пол, а вслед за ним и мое сердце.

Из горла вырывается рыдание. Я зажимаю рот рукой, чтобы не услышал папа. Слезы льются сквозь пальцы, грудная клетка, кажется, сейчас расколется напополам. С того страшного телефонного звонка я не позволяла себе плакать. А теперь не могу остановиться. Горе сжимает легкие, и я задыхаюсь. Не знаю, долго ли это длится и слышит ли меня отец. Если и слышит, то не вмешивается.

Поужинав, я возвращаюсь к себе в комнату, готовая к поискам. Надеюсь, подарок, о котором говорила Амма, здесь. Где-то здесь. По полу разбросаны старые игрушки. Конечно, деревянные. Никогда не забуду, как я удивилась, когда в гостях у Зури увидела пластиковую Барби. Почти спотыкаюсь о фигурку Фрейи с обгоревшими ногами – много лет назад я держала ее

над очагом. Амма кричала на меня, потому что я могла обжечься, а мне хотелось проверить, выдержит ли игрушка огонь, как богиня.

И вдруг кое-что замечаю: на тумбочке у кровати меня ждет книга. Вытираю тонкий слой пыли с обложки и читаю название: «Скрытый народ». Вот почему никто не хочет искать за хофом. Из-за суеверий. Преданий.

На ней меньше пыли, чем я ожидала. Эту книгу мы с Аммой читали перед моим отъездом. Вероятно, тогда ее и листали в последний раз. Когда я переворачиваю обложку, некоторые страницы слипаются. На чистом развороте вижу знакомый почерк Аммы:

«Запомни, Аста. Если ты их не видишь, это не значит, что их нет. С любовью, Амма».

Я улыбаюсь. В раннем детстве я не выговаривала свое имя. Вместо «Астрид» у меня получалось «Аста».

Амма считала, что это чудесное уменьшительно-ласкательное имя. Я перелистываю страничку, и на меня горящими голубыми глазами смотрит драугр, из его пасти торчат страшные клыки, пальцы у него с когтями, острыми, как нож.

«Драугр, множественное число драугры, – сообщает заголовок. – Нежить из древнескандинавской мифологии, иногда их еще называют аптрганга, буквально “оживший мертвец”. Драугр отказывается умирать, восстанавливая жизненные силы в мертвом теле. Избавиться от него окончательно можно, только если поразить ясеневым колом в самое сердце или обезглавить закаленным стальным мечом или сжечь».

Я вздрагиваю.

Амма предостерегала меня от драугров, особенно от Горного короля. Он был самым опасным из них, кровожадным и страшным, и властвовал над Тиведеном. Он всегда наводил на меня ужас. Следил за мной в сумраке спальни потусторонним взглядом. Теперь, повзрослев, я понимаю, что он существовал лишь в моем воображении. Когда мы переехали, он больше не преследовал меня по ночам.

В Стокгольме сказки Аммы постепенно отдалялись, пока я не переросла их окончательно. Только любопытство заставляет меня листать книгу. Ни одно из выдуманных чудовищ больше не пугает. Когда мне исполнилось десять лет, я столкнулась с более страшным – с диагнозом «болезнь Крона». Меня постоянно страшит не Горный король, а обострение.

Я переворачиваю страницу, и на пол падает листок бумаги. Подняв его, я внимательно читаю письмо.

«Аста, как бы мне ни хотелось дождаться тебя дома, придется покинуть Унден. Пришел мой черед воссоединиться с предками на Берегу жертвоприношений. Следуй по тропе, по которой Скага впервые прошла через Тиведен, и найдешь меня. Помни все, чему я тебя учила. Ты сможешь совершить это путешествие, как и я, а до меня моя мать. Перед тем как отправиться в путь, спустись в подвал. Там ты найдешь мой подарок, а также свое наследство. Обещаю объяснить все, когда встретимся.

В Тиведене мы снова будем вместе.

С любовью, Амма.

P. S. Прими дар Фрейи. Тебе понадобится ее защита».

Я читаю письмо, пытаясь хоть что-то понять, и у меня дрожат руки. Берег жертвоприношений? Скага? О чем пишет Амма? С каких это пор у нас есть подвал? Ни у кого в округе нет. Это ж не Стокгольм. Не говоря уже о том, что невозможно получить подарок от несуществующей богини.

Вспоминаю слова папы. «Она не совсем в себе».

Может, он и прав. Я кладу записку на прикроватный столик.

Из книги на меня смотрит хульдра. В детстве мы с Аммой подолгу гуляли. Я маленькой ручонкой цеплялась за ее теплую морщинистую руку. Бывало, качнется сосна, Амма сразу скажет: «Аста, видела? За сосной мелькнул хвост хульдры!»

У нее на все находилось объяснение. Обычно волшебное.

Но чудес не бывает.

Проведя много времени в больницах и дома, я перестала верить в Фрейю. Чем дольше я жила в Стокгольме, тем больше сомневалась в своих воспоминаниях, пока не поняла, что Амма вовсе не занималась колдовством. Просто была суеверна. Может, поэтому ее письмо кажется мне бессмыслицей.

Телефон заряжается, а я листаю страницы книги. Внимание привлекает рисунок со скачущим галопом чудовищем, сильно смахивающим на коня. Оно скачет не по полю, а вдоль водоема и живет на дне озера. На первый взгляд никур[9] – красавец, но чем дольше я смотрю на него, тем страшнее он кажется. Ног у него восемь, как у паука.

Я листаю книгу, веки тяжелеют, и меня клонит в сон.

– Что скажешь, Скага?

Отец вытирает пот со лба, рассматривая только что достроенный дом.

Я хмуро разглядываю крутые скаты крыши и голый деревянный фасад. Дом на вид простоват, без замысловатой резьбы, которая украшала наше жилище в Бирке. Но я знаю, сколько труда отец вложил в новый дом, месяцами возводя его голыми руками. Работа была на износ, но он ни разу не пожаловался. Лив и я помогали по мере сил, но в основном мы проводили дни, ловя рыбу в озере или собирая грибы и ягоды в лесу, чтобы наполнить живот и набраться сил для следующего дня.

Наконец дом готов.

– Красота, – в один голос отвечаем мы.

Лив мне как мать, в отличие от женщины, которая меня родила. Отец познакомился с Ванадис в чужой стране и стал жить с ней, не устояв перед обольстительной красотой. Но как только я появилась на свет, Ванадис ушла, бросив нас обоих. Лив на такое не способна.

Отец светится от гордости.

– Я назову его «обитель Рамундера».

Я морщу нос.

– Ну что за тоска.

– Скага, – сердится Лив.

Как всегда, язык мой – враг мой. Лив с нами живет довольно давно, так что должна бы уже привыкнуть.

Отец оглушительно хохочет.

– В следующий раз, малышка, предоставим право назвать тебе.

Я хочу поспорить, что уже выросла, что пережила тринадцать зим, но Лив хватает меня за плечо. Она притягивает меня к себе, а другой рукой обнимает за пояс отца.

– Славное имя для славного дома, – говорит Лив. – Здесь мы будем вместе, как ты хотела, Скага. Твоему отцу больше не придется совершать набеги для короля.

Я вспоминаю, как стояла на берегу и ждала возвращения отца.

Каждый раз, когда он уходил в море, я просила взять меня с собой. Дома мы его почти не видели. Зато, вернувшись, он привозил мне кучу подарков: золотые ожерелья, шелковые одежды, разные безделушки из дальних земель. Все подарки остались в Бирке в нашем доме.

Хоть Лив и бранится, она права. У меня есть семья, а это дороже любых сокровищ.

– Пойдемте, я покажу вам, что внутри, – предлагает отец.

---

[9] Ни́кур (от *исл.* и *фарерск.* nykur) – злобный дух воды из скандинавского фольклора, который маскируется под великолепного коня, чтобы заманивать людей в воду.

К нашему удивлению, он внезапно подхватывает Лив на руки и переносит через порог. Я осторожно следую за ними по пятам, стараясь не споткнуться.

Отец ставит Лив на скрипящую деревянную половицу.

– Зачем все это? – спрашивает она.

– Я впервые вношу жену в наш новый дом, – улыбается отец. – Показать тебе нашу спальню? Может, здесь ты подаришь мне сына.

– Не на глазах у твоей дочери, Рамундер, – отвечает Лив, хотя едва скрывает улыбку.

Я закатываю глаза. Когда отец женился, я боялась, что Лив подарит ему ребенка и он забудет меня ради новой семьи. Но с тех пор, как мы бежали в Тиведен, мне очень хотелось сестренку или братика. Хорошо бы иметь друга примерно моих лет. Не говоря уже о лишней паре рук, чтобы помогать в работе.

Отец многозначительно смотрит на Лив.

– Ну что ж, этот обряд подождет до вечера.

Вздыхая, сажусь на скамью, стоящую вдоль стены, и болтаю ногами. Дерево пока жесткое и шершавое, не такое гладкое, как в нашем прежнем доме. И кучи меховых шкур, на которых я спала, тоже нет. Остались только платье-фартук, которое на мне, и кинжал на поясе.

И, конечно, Леди. Лесная кошка, лениво урча, трется о мои ноги. Когда мы были вынуждены бежать, я несла Леди, прижимая к себе. Я ныла, что не взяла больше, но Лив сказала: главное – мы живы.

– Что такое, малыш? – Скамья скрипит, когда отец садится рядом со мной. – Ты не рада?

Я зажимаю ткань платья в кулаках и не знаю, что ответить.

Говорю правду.

– Если это длинный дом, то он совсем не длинный, – тихонько замечаю я.

– Скага, – сердится Лив. – Благодари богов, что у тебя есть крыша над головой.

От стыда у меня краснеют щеки. Лив права: лучше шершавая скамья, чем земля, на которой мы спали до сих пор в шатре. Отец даже сделал очаг посреди комнаты, чтобы топить и греться в холодное время. Но я не могу ничего с собой поделать, мне жаль того, что бросили. Я смотрю на наш новый дом и понимаю, что он не похож на старый. И никогда не будет таким.

Отец смеется:

– Она права, Лив. Дом маленький. Поэтому я построил подвал, где можно хранить бочки с медовухой.

Лив качает головой:

– Ты со своей медовухой…

Когда нас изгнали, жители деревни разрешили каждому взять по одной вещи, но папа в дальний путь взял две: топор и медовуху.

– Раз уж об этом заговорили, сегодня мы отпразднуем новоселье.

Он хлопает себя по коленям и встает со скамьи.

– Разожги огонь, Лив. Скага, тащи рыбу.

– Сейчас, отец.

Радуясь возможности поскорее уйти, я выбегаю на улицу, где на самодельном вертеле висит рыба, которую мы поймали и распотрошили. За несколько месяцев окуни и щуки мне изрядно надоели, сколько же можно есть одно и то же, но выбора нет. Лив с отцом делают все, что в их силах. Я должна их поддержать.

Снимаю несколько рыбин, их невидящие глаза следят за мной, когда я бросаю их в плетеную корзину.

Неподалеку хрустит ветка.

Быстро поворачиваюсь.

– Папа?

Но это не он. Ко мне идет молодой человек.

У него еще нет бороды, и каштановые волосы стянуты в пучок. На нем одежда из видавшей виды звериной шкуры, и он опирается на копье, как на посох. Вдруг его послали нас выследить? Я медленно качаю головой. В Бирке я его раньше не видела, а отец говорил, что в Тиведен никто носа не сунет. То есть здесь мы вроде бы в полной безопасности.

Хватаюсь за кинжал.

– Чего тебе нужно?

– Не бойся. – Он поднимает руки, пытаясь меня успокоить, будто встретил дикого зверя, а не девушку. – Меня зовут Торстен. Я ищу убежища на зиму. Могу помогать по дому, если надо.

Я прищуриваюсь.

– Почему я должна тебе верить?

– Потому что я…

– Что здесь происходит?

Из дома, сжимая в руке топор, появляется отец.

Он узнает молодого человека и улыбается.

– Торстен!

– Рамундер! – восклицает Торстен.

Отец обнимает его, как старого друга.

– Как ты вырос, парень!

– Я был в походе, но, когда услышал, что случилось, отправился вас искать. Мне плевать, что они зовут тебя Рамундер Злой. Ты всегда заботился обо мне, как отец.

– Заходи в дом, парень, – зовет его отец, хлопая по спине. – Расскажи, как там что.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Отец не рассказал мне, за что его изгнали.

Торстен смотрит то на меня, то на отца и колеблется.

– Это не важно, – отвечает отец. – Важно то, что мы сейчас здесь.

Мы сидим за столом, и отец с Торстеном беседуют. Очевидно, что раньше они вместе ходили в походы и Торстен был отцу вроде сына, о котором он мечтал. Мне слегка обидно наблюдать, как он ему рад, хотя я сижу рядом. И всегда была с ним. Отец даже угощает Торстена медовухой, которую принес из старого дома. Мне он ее не предлагал.

Торстен говорит, а я изучаю его выразительные черты лица. Он моложе отца, но гораздо старше меня. Красив, ничего не скажешь. Заметив мое внимание, он предлагает свой рог с медовухой, но я быстро качаю головой. Торстен хохочет, а у меня горят щеки, наверное, от огня. Я так давно не видела никого, хотя бы примерно моего возраста, что его смех согревает лучше огня.

– Что ты теперь будешь делать? – спрашивает Торстен.

Отец делает глоток.

– Построю здесь свою деревню, намного лучше Бирки.

Торстен кивает.

– Тогда, если позволишь, я останусь.

– Конечно. Принимать будем всех. Преступников, беглых рабов, переселенцев из дальних стран. Мне все равно, лишь бы они усердно работали и жили честно.

– Как будет называться ваше прекрасное поселение? – спрашивает Торстен, и по голосу ясно, что он воодушевлен.

Отец поворачивается ко мне:

– Ну, Скага?

Я в изумлении.

– Разве ты не хочешь назвать его сам?

– Твоим домом оно будет дольше, чем моим, – отвечает отец, и его слова печалят меня. Он продолжает: – Я назову его тем именем, которое выберешь ты. Разве мы не договаривались?

Я должна подобрать что-то хорошее, на века. Бирку назвали по одноименному острову, но тут такого нет. Зато есть озеро Ундeн. Озеро, из которого я пила, где ловила рыбу и купалась, стирала одежду. Озеро уже нам сильно помогло. Почему бы не назвать новое поселение в его честь?

– Ундeн, – повторяет отец и кивает. – Очень хорошо. Так тому и быть.

Я просыпаюсь от стука в дверь.

– Пора идти в хоф, – зовет папа.

– Уже?

Я сажусь в постели, и что-то падает на пол рядом со мной. Это книга «Скрытый народ», с ее страницы на меня смотрит улыбающаяся девчонка с зубами-иголками и мутными глазами. Мара. Демон, вызывающий кошмары.

Сон был такой живой, яркий – как бы не поднялась температура. Болеть мне нельзя. Трогаю лоб – сухой и прохладный. Просто странный сон. Я потягиваюсь, осматриваю спальню, пытаясь сориентироваться. Вероятно, дело в том, что я снова в Ундене. Дом, который мне приснился, выглядел как наш, только внутри все по-другому. Весь этот стресс действует мне на нервы.

Еще один громкий стук в дверь.

– Астрид, – зовет папа, теряя терпение. – Мы опаздываем. Разве ты не поэтому хотела приехать?

– Ладно, ладно, – говорю я, слезая с постели. – Я сейчас.

Вскоре надо мной нависает хоф: многоярусная крыша, черная черепица, покрывающая стены, словно чешуя. У меня по коже бегут мурашки, хоф будто наблюдает за нами. Он стоит на краю леса, как предупреждение. Это граница, до которой доходят жители Ундена. Пройди чуть дальше, и можно не вернуться. Так говорят.

Я стою здесь, и мурашек становится все больше.

Почему Амма пошла дальше?

С коньков крыши смотрят вниз резные драконьи головы, которые больше подходят ладье викингов, нежели церкви. Старый деревянный хоф помнит начало Ундена до времен моих прапрапрабабушек. Его возвела Скага несколько столетий назад после смерти своего отца, основателя Ундена. Вместо гвоздей при строительстве использовали магические шипы, такие ходят слухи. Вскоре после этого Скага стала нашей первой праматерью.

Теперь ее дело продолжает это место.

И наша семья.

По словам Аммы, Скага – наш дальний предок. До этого сна я о ней никогда не думала. Это был один из рассказов Аммы, менее интересный, потому что речь шла о настоящих людях. Меня как-то мало интересовала и она, и история нашей семьи.

Я больше увлекалась волшебством. Перед входом в хоф надеваю медицинскую маску, словно щит.

Нас встречает резкий кедровый запах и толпа людей. Сюда втиснулась вся чертова деревня. Гул замолкает, и все головы одновременно поворачиваются в нашу сторону. Никто не двигается с места.

Деревянные стены давят. Мое дыхание застревает под маской и становится горячим. Не люблю быть в толпе. Я могу заболеть. Сильно-сильно. В медицине это называют «ослабленным иммунитетом», но мне такой вариант не нравится. Звучит так, будто я слаба, ущербна, как будто во мне чего-то не хватает, но я этого не чувствую. Или, может, просто забыла, каково быть здоровой.

В Стокгольме везде толпы людей, что мне совсем не подходит. Когда я в маске, люди шарахаются от меня, будто заразная я, а не наоборот. Болезнь может протекать незаметно, но маска меня выдает.

Ну вот. Все уставились на маску. Пора бы к этому привыкнуть, но не получается. Я смотрю на море людей, ищу Линда. Вместо него сталкиваюсь с любопытной соседкой Эббой Карлссон. Ее взгляд останавливается на маске, потом поднимается к моим глазам.

– Мне очень жаль.

Ну вот, началось.

Так всегда говорят, когда узнают о моей болезни. Смотрят на меня с жалостью, хотя это последнее, что мне нужно. «Мне очень жаль», – говорят они вслух, а про себя думают: «Слава богу, что у меня этого нет, что я здоров». Клянусь, я вижу в их глазах облегчение. И у меня портится настроение.

Оказалось, Унден уже мало чем отличается от Стокгольма.

– Как ужасно то, что произошло, – продолжает Эбба. – Мы так любили Ингрид.

Она меня обнимает. Наверное, я неправильно поняла слова про сожаление. Но объятия – это еще хуже, чем жалость. Еле сдерживаюсь, чтобы не вырваться. Она обнимает слишком крепко. Стоит слишком близко. Хорошо, что на мне маска, даже если она меня не спасет.

Эбба отпускает меня.

– Я так рада тебя видеть, – тепло улыбается она.

– Я тоже, – совершенно искренне отвечаю я.

Пока она не начинает разглядывать папу с ног до головы.

– Рада тебя видеть, Эрик. Или можно звать тебя Рик?

Я морщусь. Ну скажите, что она не заигрывает с ним.

Когда к нам подходят парень и девушка, мои бывшие одноклассники, я встречаю их с благодарностью.

– Астрид! – обнимает меня Линни. – Нам тебя так не хватает!

Я не сразу ее узнаю без длинных рыжих волос. Теперь у нее короткая стрижка, но лицо по-прежнему в веснушках и зеленые глаза все так же сияют. Она просто лучится счастьем.

– Привет! – Я неловко хлопаю ее по спине, изумленно понимая, как мне их не хватало. – Я тоже скучала.

В Ундене у меня было полно друзей. В отличие от Стокгольма, здесь все стремились сидеть рядом и дружить со мной. Ну все, кроме Нильса. Он сидел сзади и дергал меня за косу, пока однажды я не развернулась и не врезала ему. После этого косу оставили в покое.

Сейчас даже он, похоже, мне рад.

Да, видимо, многое изменилось.

– Вы по-прежнему вместе? – спрашиваю я.

– Боже, нет, – одновременно говорят они.

Линни смеется.

– Мне кажется, нам пора занять свои места, – говорит папа, положив руку мне на плечо. – Служба вот-вот начнется. Пойдем, Астрид.

Он ведет меня на первый ряд.

Офицера Линда, похоже, придется искать после службы.

Я вздыхаю и сажусь рядом с папой.

Над алтарем склонилась деревянная фигура Фрейи. Религия здесь древняя и диковатая, словно корни, уходящие глубоко в землю. Богиня наблюдает за своими почитателями, но даже умелая резьба не передает всей ее красоты. Ее прозвали Светлой Госпожой не только из-за развевающихся волос, что сияют, как солнечные лучи. Она приносит людям свет, когда идет по миру и плачет золотыми слезами. Собравшиеся здесь верят, что однажды воссоединятся с ней в Сессрумнире[10].

Когда-то я тоже в это верила.

Как только мы переехали, папа запретил мне говорить о Фрейе. Он сказал, что та религия нам не нужна. Что в это больше никто не верит. Только Унден не отвернулся от прошлого. И папа был прав. Как только я упоминала Фрейю при одноклассниках, надо мной смеялись. Когда я нарисовала руну, чтобы привлечь удачу на контрольной, меня оставили после уроков за то, что испачкала тетрадь кровью. Потом не выпускали из дома. Руна больше не казалась счастливой.

В Стокгольме старым поверьям не было места.

Ульф подходит к кафедре.

– Спасибо всем, кто пришел, – говорит старик, наполняя помещение скрипучим голосом. – Обычно перед вами стояла Ингрид. К несчастью для нас всех, ее здесь больше нет, так что вам придется терпеть меня.

Дерево скрипит – кто-то садится рядом со мной.

– Сколько лет, сколько зим, Астрид.

Йохан. В отличие от Линни и Нильса он, кажется, не в восторге от того, что я вернулась, хотя в детстве мы были не разлей вода. У него по-прежнему черные кудри, но он стал намного выше ростом и носит очки.

Вид у него усталый, под глазами залегли круги, темнее его смуглой кожи. Даже очки не скрывают изможденности.

Я толкаю его локтем.

– Привет, Ян.

Он вздрагивает, услышав старое прозвище.

– Никто меня больше так не зовет, – едва слышно шепчет Йохан. Ясно, что не хочет говорить во время службы. Никогда не нарушал правил. – Правда.

Я шевелюсь, перенося вес тела, и подо мной скрипит скамья.

– Извини.

Чувствую себя неловко. Прошло столько лет с тех пор, как мы разговаривали. Уехав, я вычеркнула его из жизни, как и всех остальных. Я надеялась сегодня его увидеть, но вот он сидит рядом, и я не знаю, что сказать.

Йохан сжимает руки.

– Сожалею о вашей утрате.

Я напрягаюсь, тело становится таким же твердым, как скамья подо мной. Так хочется ответить, что ничего не потеряно, что Амма ждет меня в Тиведене, но прикусываю язык.

– Как поживаешь, Астрид? – спрашивает Йохан.

В его голосе звучит искренняя забота. Меня впервые удосужились об этом спросить. Я сжимаю руки в кулаки и говорю ему то же самое, что всегда отвечаю Зури.

– Хорошо.

В основном.

---

[10] Сессру́мнир (*др. – скан∂.* Sessrúmnir) – в скандинавской мифологии чертог богини Фрейи, расположенный в ее владениях, на поле Фолькванг.

Не на самом деле.

Йохан хмурится, будто хочет сказать что-то еще, но молчит.

Папа покашливает, бросая на нас предупреждающий взгляд.

– Полагаю, что вы со мной согласитесь: Ингрид была ниспослана Ундену как дар, – продолжает Старый Ульф. – Пока она была праматерью, наша община процветала. Скага и Фрейя могут гордиться ее работой. Мы не забудем жертвы, что она принесла ради нашего блага. Ингрид нас покинула, но она не ушла навеки.

– Хвала Фрейе, – шепчет Йохан.

Все повторяют, кроме меня и папы. Даже Линд произносит это с убеждением. Для меня Фрейя и скрытый народ – всего лишь сказки, не как для остальных. Они все в это верят. Поэтому офицер Линд не будет искать Амму. Какой-то он сегодня странный. Глаза сухие, лицо застывшее. Люди, сидящие рядом с ним, такие же.

Они даже почти не моргают. Я смотрю на ряд так называемых скорбящих, но у всех на лице одна и та же маска без эмоций. Даже у Хельги, которая знает Амму дольше других.

Ни слез, ни всхлипываний, ничего.

Как же так? Амма – их праматерь. Все ее любили, почти так же, как и я. Когда мы шли по Ундену, все выходили ее приветствовать. Если она забывала дома кошелек, мясник Аки только махал рукой и просил не беспокоиться. Куда бы мы ни пошли, все просто лучились от счастья, когда ее видели. Мне это было немного странно. Когда я спрашивала, почему так происходит, она улыбалась. «Фрейя благословила нашу семью. Без нас Ундена бы не было». Если все верят, что Амма умерла, почему никто ее не оплакивает?

Что-то здесь не так. Даже месяца мало, чтобы объявить пропавшего человека мертвым. Я посмотрела достаточно тру крайма. Обычно это занимает несколько лет. Дольше. Может, папа прав, что не доверяет Линду.

Внезапно я понимаю, что доверять здесь не могу никому. По коже бегут мурашки от чьих-то взглядов. Медленно поворачиваюсь и смотрю через плечо на ряды уставившихся на меня лиц. Конечно, мы сидим в первом ряду, но, кажется, что на Старого Ульфа никто не обращает внимания.

Все смотрят на меня.

Глава третья

К концу службы солнце уже почти спряталось за горизонт.

Близится зимнее солнцестояние, и нам вообще повезет, если удастся урвать хотя бы пять-шесть часов дневного света. Я смотрю на раскинувшееся кладбище: закатные лучи заливают древние камни жутким красным сиянием. Надгробия, каждое высотой с того человека, о котором хранит память, отбрасывают на холм тени, похожие на длинные пальцы. На мгновение кажется, что на склоне неподвижно стоят сотни мертвецов.

Прогоняю страшное видение и подхожу к Йохану.

Покинув хоф, все медленно поднимаются на холм к могильному надгробию Аммы, стараясь не споткнуться о камни в земле. Мы с Йоханом идем рука об руку. В последний раз мы были вместе, вот так же, совсем маленькими – карабкались на валуны и кричали: «Я Горный король!» Может, он захочет пойти со мной.

– Почему бы нам не поискать в Тиведене? – спрашиваю я. – Погуляли бы, как в старые времена.

Йохан хмурится.

– За хоф заходить нельзя, – сурово говорит он. – Ты это знаешь.

Я закатываю глаза.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что до сих пор веришь в скрытый народ.

– Если ты не веришь, – спрашивает он, внезапно обидевшись, – почему тогда носишь на шее троллькрест[11]?

Я смотрю на кожаный шнурок и тянусь к гнутому куску холодной стали, свисающему с него.

– Мне дала его Амма. Поэтому.

Я до сих пор помню, как она повесила мне на шею кулон и освободила косу. «Носи его всегда», – серьезно наказала она.

Йохан укоризненно качает головой:

– Если ты их не видишь…

– …это вовсе не значит, что они не существуют, – заканчиваю я. – Знаю. А тебе не кажется, что это очень удобно? Как ты можешь верить в предания и одновременно увлекаться наукой?

– Одно другого не исключает, – сурово отвечает Йохан.

[11] Трóллькрест («Крест Троллей») – амулет, представляющий собой кусок железа, чьи концы закручиваются так, что внизу образуется перекрестие.

– Вот так же я думаю про Амму, – настаиваю я. Может, нужно просто объяснить, чтобы Йохан понял. – Для меня сейчас она как кошка Шрёдингера. Живая и мертвая. Пока я ее не найду, не узнаю, что с ней на самом деле.

– Но это вовсе не так. – Йохан взъерошивает кудри. Наукой он увлекается с детства. – Тот мысленный эксперимент о квантовой суперпозиции, и… знаешь что, ну, не важно. Я объясню. Наблюдают за кошкой или нет, это не меняет ее состояния: она либо жива, либо мертва. А вот быть одновременно живой и мертвой она не может. Именно поэтому Шрёдингер и придумал мысленный эксперимент. Он хотел доказать ошибочность…

Я раздраженно вздыхаю.

– Ты не понимаешь. Я просто… Мне нужно знать.

Смерть мамы – старая рана, шрам незаживший, но все-таки мягкий. Исчезновение Аммы больше похоже на перерезанное горло – резко, внезапно. Без объяснения. Без завершения. Нет ничего. Оказывается, не знать хуже, чем знать. Никто не поймет, пока не столкнется с этим.

Я складываю руки на груди.

– Говорю тебе, должна быть какая-то причина, почему она пошла в Тиведен. И не вздумай рассказывать мне про скрытый народ.

Йохан отводит взгляд.

– Это не меняет того факта, что она пропала несколько недель назад, и ну…

Его молчание говорит больше, чем слова. Я смотрю на камни, усыпавшие холм. Можно не верить в скрытый народ, но я знаю, какие здесь бывают морозы. Знаю об обезвоживании, голоде и…

Нет.

Об этом и думать не хочу. Поэтому сосредоточиваюсь на оставшихся вопросах. Почему Амма ушла за хоф? Почему Линд так спешит объявить ее мертвой? И если все верят, что она умерла, почему никто о ней не горюет?

Йохан вздыхает, пощипывая переносицу.

– Я знаю, что ты собираешься делать, но не ходи за хоф, там слишком опасно.

– Я не пойду, – вру я. – Не беспокойся…

Цепляюсь ногой за камень и чуть не падаю.

– Осторожно, – предупреждает Йохан, хватая меня за руку. – Не становись на ладью Рамундера.

– Ладью? Ах да.

Валуны у моих ног разбросаны не случайным образом. Каждый из них специально уложен так, чтобы вместе они изображали изящный корабль, на котором когда-то плавали викинги. Тело Рамундера так и не нашли, так что, думаю, именно поэтому Скага решила выложить здесь ладью.

Камни похожи на алчные челюсти, готовые меня поглотить.

Вздрогнув, я осторожно обхожу их.

– Ты часто сюда приходишь?

– Конечно. – Он смотрит на ближайшее надгробие. – Здесь моя мама.

Меня охватывает чувство вины. В детстве я всегда завидовала, что у Йохана есть мама. У него была именно такая семья, о какой я мечтала: дружная, счастливая, полная. Иногда мне было больно это видеть. Но я никогда не желала, чтобы он потерял мать. Такой боли я бы не пожелала никому.

– Мне очень жаль.

Йохан замирает перед могилой, усыпанной свежими цветами. Он, наверное, часто сюда приходит, хотя его мать умерла вскоре после моего отъезда.

– Ты даже не приехала на похороны, – упрекает он.

– Я хотела.

Мне нужно было его поддержать, когда это случилось, ведь он был рядом со мной, когда я тосковала по маме. Он приглашал меня к себе домой и делал все, чтобы я чувствовала себя частью их семьи. Как только я уехала из Ундена, все стало не так, как прежде. Все изменилось.

– Но я не могла, – тихо добавляю я. – Когда отец…

– Прошло много лет, Астрид. Ты говоришь мне о том, что не могла приехать. Ни разу?

– Я пыталась.

Когда мне было тринадцать, я села на поезд, но доехала лишь до станции Лакса. Такси я взять не могла и пошла пешком, но в конце концов заблудилась. После того как отцу пришлось бросить работу и ехать за мной три часа, меня на несколько месяцев посадили под домашний арест. В другой раз я сбежала с уроков, чтобы успеть на автобус, но школа вызвала полицию. Они пригрозили, что заберут меня у отца, если я продолжу пропускать школу и сбегать, так что все попытки пришлось прекратить. Переезжать еще раз мне не хотелось. Хотелось вернуться в старый дом.

– Все не так просто, – заканчиваю я.

Йохан вздыхает.

– Ты могла позвонить или, по крайней мере, ответить.

– Ты прав, – говорю я. – Должна была.

Скитаясь по больницам, я забывала отвечать на его сообщения. Постепенно он перестал писать.

Теперь мы стоим рядом, но, чем дольше разговариваем, тем больше становится пропасть между нами. И я не уверена, что мы сумеем ее преодолеть. В Стокгольме я не чувствовала себя как дома. Но, возможно, и здесь мне не место. Больше нет.

– Мне очень жаль, что твоя мама умерла, – говорю я. – Очень.

– Теперь она у Фрейи, в вечных полях с золотистой пшеницей, колышущейся на теплом ветерке, там, где никогда не заходит солнце.

Эти слова повторяют, когда кто-то в Ундене умирает.

Теперь, услышав их снова, я вдруг понимаю: никто не сказал их про Амму. Мы подходим к надгробию Аммы, перед ним лежит охапка ярко-желтых первоцветов. Я смотрю на нежные цветы, пока не начинают болеть глаза. В Ундене их называют «Слезы Фрейи» и круглый год выращивают в горшках на подоконниках. В деревне существует поверье, что цветы появились из слез богини, когда она бродила по свету, оплакивая пропавшего мужа. Я вытираю глаза. Мне все равно, что скажут Йохан или другие.

Я найду Амму, несмотря ни на что.

– Привет, мистер Скарсгард, – здоровается Йохан.

К нам подходит папа.

– Йохан. Как ты вырос! В последний раз, когда я тебя видел…

Он замолкает.

Я точно знаю, о чем он думает. Уверена, что Йохан тоже помнит. Воспоминание, словно заноза, крепко засело у меня в голове.

Мы с Йоханом играли на улице, когда папа с тяжелым стуком бросил в багажник мой чемодан. Я понятия не имела, что происходит. Он сунул мне в руки плюшевого мишку и потащил к машине.

– Я делаю это ради тебя, Астрид. – Он усадил меня на заднее сиденье. – Однажды ты мне скажешь спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.